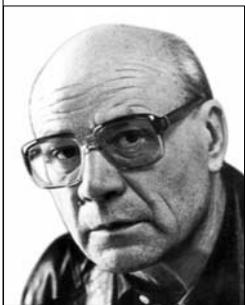

ЦЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ: идеал, оптимум, норма

Игорь Васильевич Бестужев-Лада

В 1980 г. Международное бюро образования ЮНЕСКО опубликовало монографию «ЦЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ», подготовленную коллективом авторов из разных стран мира (в работе принимал участие и автор этих строк)¹. С тех пор прошло почти 20 лет. Что изменилось в целях образования, если не в глобальных, то хотя бы в региональных масштабах, а что осталось неизменным? Если обобщить сказанное в монографии буквально в нескольких словах, то цели образования остались те же, что и 20, и 200 и 2 000 лет назад. И, видимо, останутся до окончания века рода человеческого. Это — воспроизводство Личности, Родителя, Гражданина, Работника. Всё — с большой буквы и именно в приведённой последовательности приоритетов (хотя в советской педагогике последовательность

приоритетов была противоположной). Но это — абстракция, которая нуждается в конкретизации.

Во-первых, в региональной и локальной, а во-вторых, в динамической, учитывающей специфику прошлого и будущего.

Нас в данном случае интересует будущее. Хотя бы обозримое, в диапазоне ближайших десятилетий, ориентировочно — первая четверть грядущего столетия. В современном технологическом прогнозировании различаются два подхода: поисковый и нормативный. Первый исходит из экстраполяции на будущее наблюдаемых тенденций, закономерности развития которых в прошлом достаточно хорошо известны. Таким путём выявляются назревающие проблемы, которые надлежит решать средствами управления, начиная с целеполагания. Второй исходит из целей, как результатов такого целеполагания, и предусматривает три стадии разработки нормативного прогноза: идеализацию прогнозируемого явления (определение наиболее желательного состояния по заранее заданным критериям целеполагания без учёта

¹ Educational Goals. Prepared for the International Bureau of Education. UNESCO. Paris. 1980.

ограничений, диктуемых прогнозным фоном реальной обстановки, чтобы выработать должные ориентиры дальнейшего развития), его оптимизацию (то же самое, но с учётом указанных ограничений), наконец, выработку на этой основе соответствующих норм, эталонов, стандартов, к каковым надлежит стремиться.

Когда речь идёт о конкретизации каких бы то ни было социальных абстракций применительно к особенностям существующей обстановки, невозможно отвлечься от глобальных проблем современности. Разумеется, также и в их региональном или локальном преломлении.

1. Одна из наиболее острых глобальных проблем — занятость населения. Даже в высоко развитых странах мира, где безработица носит чисто структурный характер, то есть имеет место нежелание людей занимать низкопрестижные и низкооплачиваемые рабочие места, занимаемые обычно выходцами из низкоразвитых регионов мира, — и то в среднем почти каждый десятый сталкивается с этой проблемой. А в низкоразвитых странах, включая все республики СНГ, почти каждый третий либо не имеет работы вообще, либо перебивается сезонными или случайными заработками. Правда, в России, как и во всём бывшем СССР, эта чудовищная безработица закамуфлирована большей частью так называемыми избыточными, то есть по сути фиктивными, рабочими местами с зарплатой на уровне пособий по безработице, да и то всё чаще не выплачивающейся. Но это положения не меняет.

Из сказанного проистекает категорический императив: обязательно предпосылать профессиональной ориентации учащихся производственную. Предполагающую заблаговременное ознакомление учащихся и особенно их родителей с особенностями складывающегося рынка труда — как ко времени прихода молодёжи в общественное производство, так и на более отдалённую перспективу их трудовой карьеры.

Для России эта проблема в особенности актуальна, поскольку несколько поколений выросли в обстановке замены нормального рынка труда чисто казарменным «трудоустройством», в результате чего десятилетиями культивировалась ориентация только на престижные рабочие места, заведомо недоступные для подавляющего

большинства учащихся. Эта головоломная проблема была решена очень просто: созданием более чем 30 млн фиктивных рабочих мест на 130 млн занятых с полнейшей уравниловкой в зарплате. Ныне такая сказка перестала быть былью, но родительская психология осталась прежней. Почти каждый родитель по-прежнему норовит всеми правдами и неправдами протащить своё чадо в возможно более престижное дошкольное, школьное и вузовское учебное заведение, а затем — на возможно более престижное рабочее место, пусть даже с низкой зарплатой. Понятно, обычный родитель готов держать отпрыска на собственном иждивении хоть до самой его, отпрыска, пенсии. Но жизнь вносит суровые коррективы в эту родительскую утопию. Во-первых, усиливается и без того значительная инфантилизация подрастающего поколения, сопровождающаяся жуткими деморализацией и фрустрацией, то есть разрушением личности человека. Во-вторых, раньше или позже встаёт вопрос о самостоятельных средствах к существованию. И когда с запозданием обнаруживается, что средства недостаточны, — любая идиллия быстро превращается в свою противоположность.

Сегодня учащийся и его родитель должны знать: время десятков тысяч официальных «деятелей культуры» (в кавычках), сотен тысяч таких же «деятелей науки», миллионов «служащих» по принципу: солдат спит, а служба идёт — ушло безвозвратно. Сегодня нормально жить, не паразитируя и не воруя, может только высокий профессионал, пользующийся спросом на рынке труда. Поэтому надо возможно раньше и полнее выявлять способности и склонности (это — разные вещи) будущего профессионала. И чем дальше будут эти способности от заполонённых вышеперечисленными тысячами и миллионами — тем лучше. Как для общества в целом, так и для каждого его члена отдельно. Но это ещё не всё.

В дополнение к уже развернувшейся комплексной механизации и начинающейся автоматизации общественного производства, прямо на глаза развёртывается — у нас ещё только начинает развёртываться — комплексная компьютеризация производства. В социальном плане это означает, что достаточно нескольких процентов занятых, чтобы снабдить остальных продовольствием (включая промышленную обработку сырья), нескольких процентов — чтобы снабдить любыми промышленными товарами, нескольких процентов в комплексно компьютеризированной сфере обслуживания (включая транспорт и связь, здравоохранение и образование) и нескольких процентов в комплексно компьютеризированном госаппарате (включая полицию и армию). Как ни считай — больше двух-трёх десятков процентов не получается. В свою очередь, это означает, что даже при сокращении рабочей недели вдвое-втрое-вчетверо (напомним, что она и так сокращена вдвое по сравнению с временами столетней давности) каждая вакансия в общественном производстве XXI века будет цениться всё больше и больше. На каждую — любую! — будет всё больше и больше желающих. Поэтому императив высокой профессиональности и соответствующего заблаговременного выявления способностей и склонностей к ней будет всё более категоричным.

Сверхдолгосрочное нормативное прогнозирование предлагает дополнить сокращающуюся рабочую неделю в традиционных отраслях общественного производства такими экзотическими пока что занятиями, как ассистент педагога по внеклассной работе с детьми, социальный работник (прежде всего в здравоохранении), организатор занятий в клубе по интересам, солдат Армии спасения природы (учитывая колоссальный объём ручного труда, в дополнение к машинному, необходимый для реставрации загаженной земной поверхности). В совокупности рабочих человеко-часов для такого рода занятий потребуются не меньше, нежели крестьянских в XIX веке или рабочих в XX-м. Особенно учиты-

вая, что большей частью это будет частичная занятость на несколько часов в неделю, охватывающая всё или, по крайней мере, большую часть работоспособного населения.

Так блок за блоком формируется социальный заказ для народного образования на перспективу — основа целеполагания в этой области.

2. Ещё одна головная боль современного человечества — различные структуры тоталитарного, изуверского, мафиозного характера. В их руки день за днём плывёт ядерное, химическое, бактериологическое оружие массового поражения.

Как только они полностью овладеют этим оружием — неизбежна гибельная для всего человечества Четвёртая мировая война (считая Третьей недавно проигранную нами «холодную войну» 1946–89 гг.). Неизбежна потому, что четыре миллиарда людей в низкоразвитых странах мира сегодня и девять миллиардов завтра не могут и не смогут вечно прозябать в беспросветной нищете — да ещё миллиард сегодня и три-пять миллиардов завтра полностью или частично безработными! — видя, как роскошествует «золотой миллиард» в высокоразвитых странах. В этой войне столь же неизбежна гибель ещё господствующей, но уже умирающей, постпассионарной американско-евро-центристской цивилизации, против которой поднимаются формирующиеся пассионарные цивилизации Востока с исламским фундаментализмом в авангарде.

Было бы полбеды, если бы мы являлись сторонними наблюдателями грядущего со дня на день нового поединка за мировое господство. Но не секрет, что Россия и остальные республики бывшего СССР, а также бывшие союзы Восточной Европы являются по сути всего лишь одной из самых жалких окраин упомянутой обречённой, заживо разлагающейся цивилизации. И должны полностью разделить её плачевную участь — участь Древнего

Рима первой половины первого тысячелетия нашей эры, «сплюснутую» в несколько десятилетий или даже всего в несколько лет конца второго — начала третьего тысячелетия.

На этой окраине Россия и окружающие её республики вот уже тысячу лет погрязают во мраке личностно-авторитарного режима, когда страной на всех уровнях правят самодержавные, самодурные «хозяева» всех рангов — от государя с его гнусной челядью, хищными дьяками и воеводами, скандальной боярской думой и мздоимцами-стряпчими, прикрывающимися разными латинскими терминами типа «президент», «министр», «депутат», «прокурор» и т.п., и до последнего управдома, до последнего тьмутараканского урядника. А обыватели щедринского города Глупова, как и тысячу лет назад, безобразно скандалят на своих вечеах и в своих пакостных подмётных листах, пышно именуемых «средства массовой информации», собственными руками голосуют за отъявленных негодяев, открыто находящихся на содержании (содержанки мужского пола!) у самых мерзких олигархов в истории человечества — компрадоров, сосущих живые соки из экономики собственной страны объёмом до 20 миллиардов долларов в год, оседающих в иноземных банках, что не даёт стране подняться с колен. Ирония истории заключается в том, что мы, видимо, живём ещё в самое счастливейшее время. Есть все основания полагать, что первая половина грядущего столетия окажется намного более жуткой, нежели даже первая половина истекающего века, с его двумя мировыми войнами, ужасами фашизма и казарменного коммунизма.

Единственная панацея от нынешних и ещё более страшных завтрашних бедствий — подлинное гражданское общество (не путать с пресловутым «американским образом жизни!»). Нам сегодня до него — как до небес. И путь к нему начинается вовсе не на партсобраниях, а в школе. Даже в детсаде. Разумеется, не на пустословных уроках некоего абстрактного «обществоведения», а на всех без исключения уроках и переменах, всей школьной жизнью, демократизацией образования, переходом от школы-казармы к школе-академии типа платоновской.

Ещё один социальный заказ в педагогическом целеполагании.

3. Следующая группа глобальных проблем современности — «демографический взрыв» в низкоразвитых и нарастающая депопуляция, выморочность в высокоразвитых странах мира. Жизнь убедительно показывает, что и многодетная, и малодетная семья одинаково ведут человечество к пропасти глобальной катастрофы. Первая — неразрешимой проблемой, как прокормить и обеспечить работой без конца удваивающееся число родителей и детей. Вторая — неизбежной инфантилизацией подрастающего поколения, «разрывом поколений», разложением и деградацией общества. В основе того и другого процесса лежит крушение семьи старого типа с сильнейшими пережитками патриархальности, абсолютно нежизнеспособной в современных условиях.

Но крушение старой семьи ещё не означает неизбежности крушения семьи вообще как одного из основополагающих социальных институтов общества.

Горький опыт показывает, что семье как таковой в прошлом, настоящем и будущем человечества нет альтернативы. Да, сегодня семья в беде. Настоящую, прочную семью всё более трудно создать, ещё труднее сохранить и труднее трудного воспитать в ней несколько детей — гарантов жизнеспособности общества в обозримом будущем. Да, сегодня заживо разлагающуюся семью теснят со всех сторон конкубинат и просто беспорядочные половые отношения, «разрыв поколений» и открыто культивируемые половые извращения. Но ведь всё это — лишь верные индикаторы надвигающейся гибели цивилизации, предвестники её грядущей смерти. Как в Древнем Риме и десятках других земных цивилизаций, скончавшихся в тех же предсмертных судорогах. Здесь тоже имеется панацея: подсистема образования родителей, как первая и основополагающая в системе народного образования. Включающая воспитание будущего родителя с пелёнок — то, чем занималась

веками и тысячелетиями «домашняя школа» каждой нормальной семьи былых времён. Не вздорными спецууроками «сексуального просвещения» или «полового воспитания», для которых нет ни преподавателей, ни адекватной школьной аудитории — особенно в условиях евразийской цивилизации. А опять-таки буквально на всех уроках и переменах, всем образом школьной жизни, включая «половой ликбез» для подростков на уроках биологии, истории, литературы, а затем университеты будущих и молодых родителей, может быть даже начинающих бабушек и дедушек.

Не будет этого завтра в школе — не будет завтрашнего человечества.

4. Наконец, надо упомянуть ещё о двух глобальных проблемах современности (хотя их перечень можно продолжать и продолжать) — о гибельном торжестве антикультуры над собственно культурой и о начавшемся процессе киборгизации личности, очень опасном для неё, если процесс останется, как и сегодня, стихийным.

Прогресс человечества всегда держался на культуре как совокупности культов Милосердия, Любви, Разума, Семьи, Добра и т.п. При этом у культуры, как у экономики или любого другого социального феномена, всегда была «тенева» сторона. Со «светлой» стороны Театр, Литургия, Литература, Катарсис — возвышение, очищение духа. С «тенева» — бойня гладиаторов, вакханалия, порнография, антикатарсис — принижение, загрязнение духа обращением к низменным, звериным инстинктам человека. Каждому — своё место. Пушкин — «на свету». Барков — «в тени».

Но вот со второй половины XIX века (декадентство) «свет» и «тень» стали как бы меняться местами. Начались, как пишут в энциклопедиях, эстетизация пороков и оправдание зла. После Первой мировой войны эти тенденции резко усилились. И если декаденты относили себя к Серебряному веку куль-

туры, как бы дистанцируясь от ушедшего Золотого века классики, то к 1920-м гг. в пору говорить о Бронзовом веке — настолько явственным был дальнейший декаданс, связанный с небывалой ранее активизацией антикультуры. А примерно с 1980-х гг. прямо-таки триумфальное шествие антикультуры как совокупности культов антимилосердия-насилия, антилюбви-блуда («секса»), антиразума-наркокайфа, антисемьи-компании, антидобра-зла и т.д. стало полностью подавлять собственно культуру. Что же, начинать говорить о наступлении Железного века, последнего, по античной традиции, перед концом, катастрофой данной цивилизации?

Антикультура никогда не достигла бы таких успехов, если бы не прикрывалась молодёжной контркультурой, пользующейся широким сочувствием как форма социального протеста грубо дискриминируемой социальной группы общества. Но почему молодёжная культура должна опираться обязательно на антикультуру, а не на приобщение к собственно культуре? Ответ на этот вопрос во многом зависит от школы. Отсюда — ещё один социальный заказ школе: помочь молодёжи полнее приобщиться к сокровищнице отечественной и мировой культуры. От успеха выполнения этого заказа во многом зависит, переживёт ли человечество XXI век или нарастающий «разрыв поколений», помноженный на торжество антикультуры, загонит его в гроб намного раньше.

Что касается киборгизации личности, то имеется в виду нарастающее вторжение разного рода кибернетических механизмов в сферу физиологии и психологии человека, да ещё помноженное на огромный потенциал персонального компьютера будущих поколений, способного сделать человека полнейшим рабом машины. Коррекция зрения и слуха безо всяких очков и аппаратов, протезы чуть ли не всех органов человека, начиная с рук и ног и кончая сердцем, лёгкими, почками, — это уже не будущее, а настоящее.

А вот «коррекция» мозга и центральной нервной системы — это ещё будущее, хотя всё менее далёкое. В каком направлении пойдёт такая коррекция? Ограничится ли поправкой разного рода нежелательных отклонений или проложит дорогу от человека к некому кибернетическому организму, которому всё человеческое чуждо? Над этим вопросом невредно задуматься сегодня, сейчас. И начинать поиски ответа с раздумья ещё над одним вопросом: надо ли продолжать учить ребёнка «по-старому», когда он всё чаще отгораживается от учителя и родителя собственным персональным компьютером? Ведь то, что мы силком заставляем его зубрить, — он мгновенно может вызвать на дисплей монитора одним нажатием пальца. Образно говоря, зачем учить таблицу умножения, если в любой момент на экране появятся искомые $2 \cdot 2 = 4$? К чему грамматика, если компьютер сам редактирует любой текст? И скоро станет редактировать «с голоса». К чему иностранный язык, если вот-вот появится — уже появляется! — электронный переводчик? С другой стороны, если полностью положиться на компьютер, то не станешь ли просто ещё одной добавкой к нему на манер принтера? Без внятных ответов на такого рода вопросы образование в грядущем столетии полностью потеряет свой смысл.

5. Здесь вряд ли уместно полностью развёртывать перечень глобальных проблем современности и проистекающий из них социальный заказ общества — школе.

Думается, сказанного вполне достаточно для того, чтобы понять, что никакие представления об идеале народного образования, к которому надлежит стремиться, в обозримом будущем попросту немыслимы в отрыве от проблематики современной глобалистики и альтернативистики. Но идеал — ещё полдела. Его надлежит увязать с прогнозным фоном обозримого будущего (что мы и пытались сделать выше). Тогда идеал станет органично переходить в оптимум, то есть идеальные цели превратятся во вполне конкретные процессы оптимиза-

ции. А завершиться всё должно чёткими параметрами будущих норм, эталонов, стандартов, которые определяют перспективы дальнейшего развития образования.

Здесь достаточно сказать, что при конкретизации очерченного выше социального заказа школе не избежать решения таких проблем, как радикальный отказ от пресловутого, столь решительно осуждённого, но столь живучего школоцентризма. С развёртыванием системы народного образования в виде органичной совокупности подсистем образования родителей, дошкольного образования, начальной, средней, специальной средней и высшей школы, повышения квалификации и переподготовки кадров, общего самообразования взрослых, дополнительного образования. Как радикальный отказ от огульного подхода к обучению и воспитанию детей, подростков, молодёжи, с ориентацией по меньшей мере на пять основных социальных групп учащихся: «обычных», «одарённых», нуждающихся в разного рода коррекционных программах, желающих лишь в общих чертах ознакомиться с каким-либо предметом и желающих специализироваться по нему. Как радикальный отказ от казарменно-репрессивной педагогики с её методами публичного шельмования учащихся публичными «двойками» и замена таких методов более гуманными, давно уже принятыми в мировой педагогике. Как радикальный отказ от чудовищной перегрузки учащихся, с перенесением ряда занятий из школьного класса в школьный клуб по интересам (в подсистему дополнительного образования).

Этот перечень тоже можно продолжить. Но гораздо важнее учитывать подобного рода проблемы в разрабатываемых стандартах образования. **НО**